

КРИЗИС «КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА»

Всю глубину вдруг обнажит вода,
Замрет последняя земная нота.
И Он войдет, – вот Тот, что есть всегда,
– Никто, который явственней, чем кто-то.

З. Миркина

Если тебе в ногу вонзился шип,
возьми другой и удали с его помощью первый,
а затем – выбрось оба.

Индийская поговорка

Концептуальная личность

1

Эта работа, как и ряд предыдущих, вдохновлена творчеством религиозных мыслителей Григория Соломоновича Померанца и Зинаиды Александровны Миркиной. Мудрецы прожили долгую и плодотворную жизнь, оставив нам в наследство свое не оформившееся в концепцию учение о *вселенском духовном сознании* или мистическом сознании. Они считали, что главное в становлении духовности – это понимание выхода ее глубинного уровня за все слова и знаки. Языком мистического сознания они называли не разделенный на слова и обороты «целостный язык Святого Духа». Кредо четы мудрецов хорошо известно. Глубина одной великой религии ближе к глубине другой, чем к

собственной поверхности. На поверхности – гордыня вероисповедания, монополия на истину, религиозные войны. На глубине, там, где сплетаются корни всех религий, – легкое дуновение Духа Святого.

Их книги и лекции всегда были тактичным приглашением к пониманию священных текстов не только как канона, но и как приблизительного перевода с Божественного языка на человеческий. Приведу цитату из Померанца: «Выражение *Царство Божие внутри нас* не противоречит призыву священных писаний индуизма искать ответ в собственном сердце. В брахманской традиции никакого Царства Божия не было, а был просто выход за рамки двойственности, приход к сознанию недвойственности Бога и человека» [Померанц, 2008].

Все памятники религиозно-философской мысли, все гимны, все писания есть перевод с несказанного на высказанный человеческий язык. И один *перевод* не умаляет значимость другого, а, напротив, дополняет его, но дополняет на таком неочевидном уровне, который был внушен Святым Духом, а значит, и прочитан, распознан, осмыслен может быть только Святым Духом. Подобное отношение к сакральным текстам лежит в основе мистической духовной традиции.

Наш склонный к безостановочной категоризации явлений ум избегает того, что не укладывается в рамки привычных представлений. Он не решается заглянуть за свои собственные пределы. Но именно к этому и призывает мистик. Не потому ли и радикальное богоборческое сознание, и консервативное религиозное сознание спешат обвинить мистика в шарлатанстве. Внезапно и атеист, и ревнитель благочестия оказываются заодно. Нужно сказать, что основания для подобных умозаключений, безусловно, имеются. Стремящиеся к популярности лжепророки часто увенчивают себя лаврами мистика, а вот подлинные мистики, назовем их духовными реалистами, мало кому известны. Но если уж они выдвигались в первые ряды учителей человечества, то толпа убивала их с образцовой жестокостью.

В книге «Великие религии мира» [Померанц, Миркина, 2012] Померанц и Миркина рассказывают о суфии Мансуре аль-Халладже (858–922), пережившем чувство единения с Богом. Судьба величайшего суфия напоминает судьбу Христа. Когда аль-Халладжа спрашивали, нужно ли совершать паломничество в Мекку, он отвечал: «Обойди вокруг меня, во мне тоже есть Бог». Ярость охранителей правоверия была такова, что в конце концов суфия подвергли изуверской казни.

Мне хотелось бы сказать несколько слов о характере этой работы. Аналитическая статья не нуждается в ярко выраженной метафорически-поэтической составляющей. Но вопросы, поднятые мной, оказываются на стыке науки и визионерского типа художественного творчества. Согласно Карлу Юнгу визионерское творчество не связано с «переживаниями переднего плана», оно сродни откровению. Синтетический характер работы позволяет как задействовать научный инструментарий, так и прибегнуть к выразительным возможностям эссеистики. Я вполне допускаю, что читателя может смутить профетический оттенок некоторых суждений и обобщений, но здесь автор следует традиции, которой оставались верны его учителя. Суть этой традиции состоит в попытке целостного взгляда, основанного на опыте личной встречи с высшей реальностью наших переживаний. Она является нам в разных образах и облачениях. Ей к лицу и желтый халат брахмана, и талит раввина с черно-синими полосами, и белый стихарь священника, и разноцветное рубище дервиша. Но всегда и всюду высшая реальность остается самой собой.

Я буду опираться не только на избежавшее доктринальной отделки учение Померанца и Миркиной. Я также обращусь к духовным посланиям родственных им по духу русских философов и христианских богословов, мыслителей Запада и мудрецов Востока. У этого племени тайновидцев есть одна отличительная черта – они остановили поиск. Именно это состояние сознания называется мистическим или океаническим.

Океан одна из устойчивых метафор беспредельного бытия. Океану не нужно себя искать, потому что он себя никогда не терял. В поиске находится *волна*. Она ищет себя, потому что еще не осознала себя Океаном; потому что еще отделена от него концепцией, согласно которой она лишь волна или *отдельное «я»*.

Позволю себе предложить новый термин – «*концептуальный человек*» и попытаюсь обосновать возможность его применения в междисциплинарных исследованиях. Он мог бы помочь нам в описании тех сложных процессов духовной жизни, с которыми часто сталкиваются теологи, философы и психотерапевты. Речь идет о духовном кризисе и путях выхода из него. Терминология богословского сочинения, апеллирующая к словесным иконам, оттачивалась веками. Философский трактат имеет свой устоявшийся понятийный аппарат. Беллетристическая манера опуса, вышедшего из-под пера юнгианского психотерапевта, обладает своей спецификой. А хотелось бы иметь универсальный ключ. Такой, который подходил бы ко многим замкам, чтобы такие кладези мудрости как богословие, философия и психотерапия или духотерапия могли обогащать друг друга только им присущим опытом.

В русском языке синонимы прилагательного «концептуальный» состязаются в витальности и благородстве. «Самостоятельный», «новый», «принципиальный», «важный», «смысловой», «новаторский», «содержательный», «системный», «основополагающий». Если двигаться в русле европейской интеллектуальной традиции, то слово, обладающее такими позитивными синонимами, почти неуязвимо для критики. Но если расположить прилагательное «концептуальный» на стыке культур Запада и Востока, да еще снабдить его существительным «человек», то подобное выражение станет едва ли не бранным.

Давайте же выясним, кто такой «концептуальный человек».

В категориях бердяевского экзистенциализма я бы попробовал описать его следующим образом. «Концептуальный человек» состоит из поспешных обобщений. Его фундамент составляют исторически выработанные предрассудки. Возможно, именно поэтому существование «концептуального человека» нельзя назвать подлинным. Да, он стремится к окончательному миропониманию, но не испытывает жажды *целостного мирозерцания*. Он уютно устраивается в схоластических системах, всегда ставит национальную традицию выше универсальной и не приветствует их синтез. И он неизменно берет под подозрение мистическую духовную традицию.

Характеристика «массовый человек», а это наша способность превращаться в толпу, имеет прямое отношение к концептуальной личности. Согласно испанскому мыслителю Ортеге-и-Гассету «массовый человек» есть человек в той мере, в какой он не отличается от остальных. Совпадение мыслей, целей и образа жизни, возведенное в культ, а значит, и требующее жертв, чревато забвением «тайны лица». А когда лицом, его «необщим выражением» пренебрегают, устанавливается преступный политический режим. И толпа, придающая «силу закона своим трактирным фантазиям», приводит к власти людей, которые развязывают войну.

Постмодернист увидел бы в концептуальной личности угрозу для цивилизации. Он выстроил бы следующий ассоциативный ряд: «концепция» – «сюжет» – «структура» – «идеология» – «власть» – «Холокост». Глобальные идеи, а они дети модерна, уничтожают мир. Само деление на *главное* и *второстепенное*, которое характеризует парадигму модерна, есть концепция больших нарративов или утопических проектов по улучшению человечества. Известно, что в концентрационном лагере Бухенвальд росло дерево, под которым Иоганн Вольфганг Гёте сочинял свои бессмертные поэмы. Оно так и называлось – дуб Гёте. Считая себя культурной расой, нацисты дерево не

тронули, но построили вокруг него лагерь. На этом дереве мучили и убивали заключенных. Как все это совместить? Узники были чем-то второстепенным, чем можно пренебречь. Но нельзя было пренебречь дубом, который ассоциировался с осью культуры. Так культура, как некое царство концепций, предала человека. После войны возникла ситуация «исчерпанности человеческих точек зрения», на которую указывают исследователи постмодернизма. Они связывают с этой ситуацией поиски нового художественного языка, который уже не мог быть прежним. Но у постмодернизма тоже имеется своя концепция – всё второстепенно, и всё важно. Однако в море ракурсов и точек зрения тонет Тайна встречи души с самой собой. Сама эта Тайна становится чем-то второстепенным.

Христианский антрополог склонился бы к тому, что «концептуальный человек» – это наш «внешний человек», «ветхий», «вчерашний», «земляной». Его поведение обусловлено, как и его ум. Он всегда жертва ролей, которые играет, и обстоятельств, точным слепком которых является. В метафизическом смысле он маска, которая тщится подменить собою лицо. Выстраивая исключительно деловые отношения с миром, всё живое наш «внешний человек» превращает в послушно-мертвое, а всё мертвое, давая волю своей болезненной фантазии, наделяет качествами живого.

Размышляя об отдельном «я» в духе учения Антония Сурожского о Божьем следе, следовало бы сказать, что «концептуальный человек» не соответствует «Божественной динамике». Сурожский напоминает нам о важности такого глубокого взглядывания в историю и в жизнь, благодаря которому мы сможем различить в них «след Божий, нить Ариадны, золотую нить <...> которая укажет, куда Бог ведет нас среди окружающей нас сложной целостности жизни» [Сурожский, 1996, с. 253]. Жить на глубине *мудрости*, которая поступает «безумно», а не на глубине принципов, идей и концепций

или «человеческой опытности», вот к чему призывает митрополит Антоний. Он не боялся быть «плохим христианином», он боялся потерять след Божий.

Суфий охарактеризовал бы «концептуального человека» следующим образом: это тот, кто хочет знать истину, которая соответствует его пониманию. Суфий не стал бы потчевать такого гостя вином, которое поэт уподобил загадочной сути мира: «Это суть без покрова, что лишь для умов, / Неспособных постичь, надевает покров» [Ибн Аль-Фарид, 2016, с. 196]. Ведь наша концептуальная личность всё равно не способна насладиться божественным нектаром Истины.

Услышав о «концептуальном человеке», толкователь Торы вспомнил бы ответ, который дал первый патриарх ангелу на горе Мориа. Вот какой свет, следуя традиции устной Торы, проливает на взаимоотношение Авраама и Ангела израильский раввин и проповедник Рав Шимон Гилюс. «Авраам, Авраам», – вызывает с неба Ангел Господень. «Вот я весь, без я», – отзывается Авраам, уже занеся нож над Исааком. Разовьем толкование Гилюса. Услышав такой ответ, Ангел останавливает руку патриарха, потому что рука символически уже отсекала «неподлинного», «внешнего», «концептуального» Авраама. Обратим внимание на то, что, когда Ангел вызывает к Аврааму, тот словно бы использует для ответа не личное местоимение «я», а – указательное местоименное наречие «здесь». «Здесь», – отвечает «рыцарь веры», когда слышит голос, доносящийся то ли с небес, то ли обращенный к нему из его собственных недр. Авраам присутствует, но не как «я присутствую», а как «здесь присутствую». «Вот я весь, без я» – это то же самое, что «суть без покрова».

Аналогом пары «я присутствую» – «здесь присутствую» могли бы выступить категории «обладания» и «бытия», предложенные французским религиозным мыслителем Габриэлем Марселем. Он почерпнул их в «лирическом трактате» Мартина Бубера «Я и Ты». Еврейский экзистенциальный философ Бубер противопоставил друг другу два Отношения.

Отношение «Я-Оно» – это когда Бог и человек сводятся к концепции, а значит, собеседник превращается в абстракцию; и отношение «Я-Ты» как общение в духе любви, в духе диалога. Идеи Марселя разовьет американский философ и социальный психолог Эрих Фромм. В работе «Иметь или Быть?» он станет размышлять об обладании и бытии как о двух основных способах существования человека. Первый способ, который невозможен без насилия над природой, без омертвления ради познания, Фромм сравнит с западным путем, а второй способ, суть которого состоит в слиянии с природой, в оживляющем созерцании, философ соотнесет с восточным путем. У американского ученого будут все основания для того, чтобы подвергнуть критике современное ему общество. Вот те приблизительные координаты общеевропейской мысли и ближневосточного мироощущения, в которых обретается наш «концептуальный человек».

Теперь будет вполне естественным обратиться к мудрости южноазиатской цивилизации и Дальнего Востока. Духовные учителя Индии и Китая сказали бы, что концептуальная личность – это непросветленный человек, или *наш* непросветленный человек, чье сознание омрачено.

Вспомним злобного тролля из сказки Г.Х. Андерсена «Снежная королева». Тролль изготавливает зеркало, в котором «все доброе кажется злым, а злое только ярче бросается в глаза». Упав с неба, дьявольское зеркало разбивается на миллиарды осколков. Один из них попадает в сердце Кая. Есть маленькие осколки, а есть большие. Какими-то даже можно стеклить окна. И беда тому, кто наденет очки, сделанные из разбитого зеркала. Он уже не сможет видеть всё в истинном свете, а мы скажем: автоматизм мышления, «груз установившихся приемов мысли» не позволит ему увидеть вещи такими, какие они есть.

Такие понятия как *Просветление*, *Пробуждение*, *Нирвана*, которые используются в буддийской религиозной практике, давно перешли в словарь

западного человека и обросли множеством оценочных коннотаций. Целостное осознание природы реальности, а именно оно и называется просветлением, происходит за пределами любых концепций. Так, видный представитель вьетнамского дзена Тит Нат Хан утверждает, что слово «нирвана» буквально означает «угасание всех концепций».

3

Пришло время дать определение феномену, вынесенному в заглавие статьи. Под «концептуальным человеком» я понимаю личность, которая отождествляет себя со своим постоянным принудительным мышлением. Таким образом, человек оказывается созданным не по образу и подобию Божьему, а – скроен по меркам своего ненаблюдаемого ума или, если угодно, по меркам *толпы*, но не как количественной характеристики, а как особой «психологической реальности». И в то же время под концептуальной личностью я подразумеваю не конкретного человека во всей уникальности его социально-исторической природы, а кризисное состояние нашего сознания. Поэтому нельзя сказать, что «концептуальный человек» это тип личности; что это уровень образованности; что это человек, придерживающийся неких теорий, или человек определенного склада ума. *Концептуальная личность* является патологическим, аварийным, *кризисным состоянием ума*.

В статье «Бдительный страж Целого» [Померанц, Миркина, 2014] Померанц косвенно ассоциирует «холодные расчеты ума» с Родионом Раскольниковым, а «грубые импульсы плоти» – с Парфеном Рогожиным. Но лишь на первый взгляд доводы «рассудка» и «плоти» противоположны друг другу. И Раскольников, и Рогожин отточили свои концептуальные личности на оселке и ума, и страсти одновременно. Родион Романович натура гораздо более глубокая, он человек совестливый и благородный, но соблазнен испепеляющей идеей. Он возложил на себя обязанности исправителя мироздания. Рогожин на

подобное не замахивается, он одержим на иной лад: ему бы отхватить от мироздания причитающийся ему кусок. Однако к средствам они прибегают одним и тем же, стратегии достижения цели очень похожи. Раскольников погружает свою идею в кровь ростовщицы и ее сестры Лизаветы. Кровь же Настасьи Филипповны, пролитая Рогожиным, напрямую связана с идеей обладания. И там и там балом правит отдельное «я». Соня Мармеладова помогает Раскольникову обнаружить *отдельность, отделенность*, его внутренний раскол, и дух Родиона Романовича *исцеляется*. Сониная любовь воскрешает его. А вот сознание Рогожина помрачено бесповоротно.

Но «концептуальный человек» может быть и медитирующим Каем, складывающим из осколков льда слово «вечность» в чертогах Снежной королевы, а не только человеком шекспировских страстей или пленником проклятых вопросов. Неважно, что преобладает расчеты ума или импульсы плоти: в глаз отдельного «я» попал осколок дьявольского зеркала. Вот почему я называю «концептуальным человеком» того, кто не видит существенной разницы между собой и руководящей идеей, которая завладела им и подчинила его себе.

4

Но разве не существует жизнеспособных, созидательных идей? Прислушаемся к ответу, который дает на этот вопрос Померанц в работе, посвященной творчеству Ф.М. Достоевского. «У каждой идеи есть свой светлый и свой темный лик. Можно выбрать ту, которая сегодня светит, но нельзя найти идею, которая никогда не обманет, не обернется тьмой» [Померанц, 2013, с. 97]. Развивая свою мысль, Григорий Соломонович обращается к кредо писателя: если бы как-нибудь оказалось, что Христос вне истины и истина вне Христа, то Достоевский предпочел бы остаться с Христом вне истины, чем с истиной вне

Христа. Нетрудно заметить, что учение о Божьем следе Антония Сурожского очень сильно перекликается с кредо Достоевского.

Истина в качестве идеи, в качестве концепции, столкнувшись с личностью Христа, теряет свою силу, а может быть, даже и переходит в свою противоположность. Вот почему «концептуальный человек» как идейный борец за истину, готовый принести в жертву и свою жизнь, и жизни других людей, ставится нами под большой вопрос.

Человек, готовый «положить душу свою за други своя» (Ин 15, 13) не может не вызывать восхищения нравственной цельностью, готовностью к самопожертвованию. Всё это так. И это неоспоримо. Вот только рыцарь идеи (а мы говорим сейчас именно об идее), пробудившийся для служения общественному благу, «еще не дослушал свою пробудившуюся душу до конца», как выразилась Миркина. Сколь бы ни была прекрасна и возвышенна *идея*, она не снимает задачи, которую Христос ставит перед душой – душа должна рождаться, расти, перерастать себя. Душа, остановившаяся в росте, прекращает свое рождение, а значит, теряет Божий след. Зинаида Александровна во время доверительного разговора так об этом сказала: «Нельзя через дело, через жертву освобождаться от того, чтобы свою душу растить». Концепция может представлять собой захваченность левыми идеями или правыми, но в какие бы одежды гражданской добродетели она ни рядилась, нам необходимо опознать ее, чтобы последнее слово осталось не за *преходящим*, а за *вечным*.

История нашего отдельного «я», в которую мы верим, есть наша «старая религия». Именно эта история порождает страдание. Духовный писатель Экхарт Толле назвал отдельное «я» «телом боли» или болевым телом [Толле, 2011]. Вот только страдание страданию рознь.

Огонь, на котором сгорает отдельное «я», причиняет боль, он заставляет нас страдать, и это страдание во благо. «Жизнь – это боль рожденья божества / И ликованье вынесенной боли» [Миркина, 2005, с. 331]. Однако есть страдание

совершенно иного рода, то, которое создается нашим отдельным «я», и к прекращению которого отдельное «я» вовсе не стремится. Напротив, оно питается болью. Хотя это и прозвучит парадоксально, но ответ на вопрос, как избавиться от страданий, мог бы быть таким. Нужно пройти весь путь страданий, чтобы перестать быть тем, кто страдает. Иначе отдельное «я» целиком поглотит нас. Оно настолько одержимо страданием, что оказывается совершенно неспособным к состраданию. Возвращаясь к ранее сказанному, напомним о другой характерной черте отдельного «я»: оно реализует себя через постоянное *принудительное мышление*, а не через осознанность.

Может сложиться впечатление, что автор отправляется в крестовый поход против *мышления* как такового. Это не так. И автор не предаёт анафеме концептуальное мышление, без которого невозможно себе представить ни научного, ни философского, ни теологического дискурсов. Концептуальное мышление как продолжение нашего *океанического* состояния наполняет жизнь светом и смыслом, радостью и творчеством. А вот концептуальное мышление *волны* подтачивает корень жизни. Мистик, он же духовный реалист, обладает весьма сильным умом. Часто это люди высочайшей интеллектуальной культуры, но при общении с ними забываешь обратить внимание на остроту их мысли: когда ум служит духовной интуиции, он незаметен. Перефразируя наставление Блаженного Августина «Возлюби Бога, и делай что хочешь», можно сказать: возлюби Бога, и имей сколь угодно сильный ум.

Современный мистик, номинально мастер адвайты Муджи ставит знак равенства между *концептуальным мышлением волны* и «психологическим умом». Все *океанические состояния сознания* он соотносит с умом «практическим», «естественным», «сердечным». Иногда психологический ум Муджи называет *материальным* [Муджи, 2021, с. 373]. С позиций мистического мироощущения сердечный ум и есть вселенское духовное сознание.

Будет нелишним сказать еще несколько слов об *учении о вселенском духовном сознании* Померанца и Миркиной. Они никогда не ратовали за создание новой вероисповедной системы. Они не предлагали переходить из одной религии в другую. Они лишь призывали к большей собранности, которая позволяет изнутри своей вероисповедной традиции достичь состояния полной укорененности в бытии. Но, к сожалению, верующий часто сталкивается с ситуацией, когда «родная» религия, указав путь к той полной мере, в которую мы призваны вырасти, сама же эту меру и умельчает. Напоминая о нравственной сути монотеизма, которая в Библии выражена словами: «Будь милостив к страннику, к чужаку», Померанц указывает и на крайнюю нетерпимость к «чужому», которая становится следствием монотеистической революции. Вот почему он пишет: «Религия сможет успешно противиться безумию только в том случае, если она сама излечится от него» [Померанц, 2018, с. 394]. Под «безумием», конечно, следует понимать «мудрость мира сего» (1 Кор 3, 19).

То, что относится к религии, распространяется и на сугубо интеллектуальную сферу. Если глубокое погружение в религиоведческие дисциплины, в историко-филологическую науку, в научные дисциплины, которые занимаются различными аспектами национальных культур, выводит исследователя на уровень вселенского духовного сознания, то тогда он получает возможность взглянуть на предмет своего изучения из принципиально иной перспективы. Однако инерция концептуального мышления (всё обладает инерцией) далеко не всегда позволяет индологии, буддологии, иудаике, библеистике, исламоведению не просто отдать должное «соседу» по Сознанию, но и вступить с ним в творческий содержательный диалог. Механизмы глубинного культурно-религиозного взаимодействия исторически не выработаны. Они находятся иногда в грозной, иногда в надменной, а иногда и в принудительно-доброжелательной тени нашего «концептуального человека».

Идея подобного духовного сотрудничества может показаться кому-то нелепой, невозможной и даже опасной, но ее время не просто пришло, оно уже давно стучится в дверь наших осанистых, запертых на замок миров. Нет необходимости разрушать эти миры или радикально менять их. Речь идет только об их углублении, другого пути нет, но углублении до той точки, в которой происходит встреча всех со всеми и каждого с самим собой. И это не просто красивые слова. Это живой неостановимый процесс. Как сказал бы Григорий Померанц, – процесс созидания эпохи Святого Духа.

Кризис отдельного «я»

1

Отдельное «я» всегда находится в кризисе, но в таком специфическом кризисе, который никогда не стремится к своему разрешению. Кризис, потенциалу которого мы не даем развиваться, соответствует идиоматическому выражению «вечные адские муки». Именно таков исконный, очищенный от болезненных фантазий, смысл этой идиомы. Кризис личности, склонной к концептуализации как способу понимания и объяснения, возникает потому, что любая концепция, даже самая прогрессивная, покушается на беспредельность содержания человеческой жизни. Концептуальное мышление, которое знает об этой опасности, сделает все возможное, чтобы избежать ее. Но если концептуальное мышление настаивает на своей универсальности и компетентности, то оно теряет глубинную связь с жизнью. Вот и концепция жизни отрезает саму себя от Древа Жизни, если воспользоваться библейской метафорой.

Изгнание Адама и Евы из Эдема происходит не потому, что они поддались соблазну магического ритуала язычников и стали участниками ханаанского культа плодородия, а потому что их сердца перестали трепетать перед Тайной. Воссоздавая райское состояние человечества, Ф.М. Достоевский

писал в «Сне смешного человека»: «Они не желали ничего и были спокойны, они не стремились к познанию жизни так, как мы стремимся сознать ее, потому что жизнь их была восполнена» [Достоевский, 1995, т. 14, с. 130]. Восполненность жизни, трепет перед Тайной есть некое доконцептуальное состояние сознания, соответствующее наставлению Христа «будьте, как дети». Оно же одновременно и залог свободы от концептуального «я», наиболее полно реализовавшейся в Будде и Христе. В контексте мифа о грехопадении ненаблюдаемый ум вполне можно уподобить «голосу змея».

В связи с этим весьма любопытно наблюдение индийского гуру, учителя адвайты Нисаргадатты Махараджа. «Обычному йогину не требуется женщина, чтобы упасть, поскольку с этой задачей справляются концепции. Истинный йогин свободен от концепций, включая концепцию “я есть”» [Нисаргадатта, 2020, с. 579]. Но где йогини, и где мы, может спросить читатель. Несмотря на законные основания этого вопроса, ответ на него лежит не в той плоскости, которая была бы для нас удобна.

Уже давно существует некая ничейная земля, проходящая между культурными мирами Запада и Востока. На формальном уровне она разделяет эти миры, а на содержательном – неочевидным образом соединяет. Вот почему terra nullius может и должна стать территорией дружеского диалога.

Однако «концептуальному человеку» не только Запада, но и Востока весьма некомфортно находиться на ничейной земле. Если земля *ничья*, то и он *никто*. Не эта ли мысль приводит в ужас гётевского Мефистофеля, когда он спускается вместе с Фаустом в Царство Матерей? Пустота, Ничто, вот, оказывается, чего больше всего страшится *часть*. А падший ангел, отпавший от Целого, конечно, является частью. Неудивительно, что *часть* трепещет перед встречей с *Целым*. Фауст же, задуманный Творцом как целое, сам является творцом. Целое в качестве Пустоты манит его. Целое в качестве Ничто взывает

к нему. «В твоём “ничто” я всё найти мечтаю» [Гёте, 2020], – отвечает Фауст злому духу.

Концептуальная индивидуальность Мефистофеля при встрече с Матерями не находит опоры в преходящем. Любое *преходящее* в Ничто сгорает, а от *вечного* злой дух отпал. Сколько бы Мефистофель ни искал себя в *вечном*, он себя там уже не обретет. Но и за невечное, за *преходящее* в Царстве Матерей он зацепиться не может, потому что там нет ни одной материальной вещи, ни одной умопостигаемой сущности, ни одного образа, и даже тени образа, и даже тени тени. Совершенно не из чего создать концепцию чего бы то ни было. А вот Фауст способен пребывать в абсолютном Ничто, потому что он ощущает его как рождающее лоно. Ведь они спустились к Матерям.

Но возможно ли, если мы примем терминологию Нисаргадатты, совсем освободиться от концепций? И нужно ли это европейцу? Ведь мы же не йоги. Хотя Фауст с Мефистофелем движутся туда же, куда направляется и йогин, – в Ничто.

Путь в Ничто держит и крупный представитель западной мистической традиции Мейстер Экхарт (1260–1327). Было бы неверно уподобить Ничто небытию, смерти, распаду, осиному гнезду темных сил, потому что речь идет о беспредельном бытии, которое древнее света и даже тьмы. Если смерть персонажа фольклора Кощея Бессмертного заключена в игле, то смерть «концептуального человека» находится в полном до краев жизнью Ничто. Но оно, повторимся, не есть нигилистическое ничто. Это то Ничто, которое предшествует тьме и всему, что только можно назвать и помыслить.

Однако следует признать, что глубоко осмысленный Востоком социокультурный, психологический, метафизический феномен «концептуального человека» все-таки недостаточно исследован на Западе. Это и не удивительно. Ведь сама европейская цивилизация выкроена по лекалам концептуальной личности, представляющей собою четкую, но далеко не всегда

жизнеспособную систему ценностей. К тому же при доминировании рациональной формы постижения реальности, восходящей к модусу «обладания», понятие «концептуальность» продолжает восприниматься как безусловное благо. Концептуальность противостоит хаосу, она имеет прямое отношение к идеальным сущностям Платона. Она, как уже было замечено, ассоциируется с позитивным знанием, едва ли не с неким упорядоченным целым, по крайней мере, – со стройной системой миропонимания. Однако на оборотной стороне этой монеты вычеканен Мефистофель. Не потому ли индийский гуру, а в его лице и весь Восток, считает подобный способ взаимодействия с реальностью крайне ненадежным. Нисаргадатте вторит другой не менее крупный мастер адвайты Пападжи (Шри Х.В.Л. Пунджа). Этот духовный учитель замечает, что свобода обретается лишь путем освобождения от всех концепций. «Ты – Жизнь, которая предшествует концепции жизни» [Шри Х.В.Л. Пунджа, 2002, с. 7], – провозглашает он. И это перекликается с откровением «современного русского прогрессиста» из «Сна смешного человека»: «Они не стремились к познанию жизни <...> потому что жизнь их была восполнена» [Достоевский, 1995, т. 14, с. 130].

2

Но следует сказать и несколько весомых слов в защиту общеевропейской интеллектуальной традиции. Русская религиозная мысль рубежа веков, как и экзистенциальная мысль Запада начала XX в., эссеистична. Эссе по своей сути антиконцептуальный жанр, которому вовсе не чужд глубокий аналитический анализ. Вот только этот анализ не достигает цели, если лишен определенного изящества, если в нем отсутствует рискованная парадоксальность. Сама стилистика эссе, тяготеющая к лирическому высказыванию, не доверяет оформившимся в строгую доктрину концептуальным построениям. Да и строгая доктрина не испытывает большой симпатии к афористическому и поэтическому

началу, присущему эссе. В своих притязаниях на истину и непогрешимость эссе не идет дальше литературно-мировоззренческого послания или окрашенного в философские тона художественного манифеста. В первой трети XX в. эссе становится едва ли не языком истины. Почему? Да потому что эссе лучше, чем научный труд или богословский трактат осознает, что истина не может быть полностью высказана.

Вот мы и подошли к еще одной сущностной характеристике концептуальной личности. Она со скандальной резкостью противопоставляет истину лжи, потому что полагает, что истина может быть охвачена умом целиком, ведь истина, как считает психологический ум, есть некая священная концепция. Отсюда и религиозная, расовая, социальная нетерпимость материального ума. Именно он притязает на всеобщность, а вовсе не практический, естественный ум. Когда ум ведет себя как практический, естественный, то он, как уже было замечено, одновременно является и *сердечным* умом. И тогда ум – наш лучший друг. Ум представляет угрозу только в том случае, когда решает, что вне его юрисдикции ничего не существует. Хотя именно там за пределами всех форм, состояний и концепций находится наше истинное «я» или авраамовское «Я без я».

В лекциях по немецкому романтизму Наум Берковский приводит следующие слова Новалиса об основоположнике немецкой классической литературы Г.Ф. Лессинге (1729–1781). «Лессинг видел чересчур остро и поэтому терял чувство целого во всей его неясности» [Берковский, 2001, с. 22]. Ускользящее от понимания чувство целого не сводимо ни к одной из мировоззренческих моделей. Концепция же Целого превращается лишь в отдаленное подобие неясного и неопишуемого состояния «Я без я». Именно это состояние мы назовем главным событием нашей жизни. Пока Целое переживается, оно искрится смыслом и озаряет всякую жизнь своим неотмирным светом. Но как только Целое становится предметом

спекулятивного знания, сразу же возникает соблазн подменить его неким сговорчивым двойником, который является *покровом*, наброшенным на чувство целого. Не случайно пластическим эквивалентом Майи – ключевой категории индийской философии – выступает покрывало. Скрывая истинную природу вещей, Майя порождает те ложные представления о мире, которые мы можем назвать нашими неисследованными убеждениями. Иногда используется выражение «вуаль концепций», что является языковым аналогом словосочетания «покрывало Майи».

Всегда ли концепция синоним неисследованных убеждений и иллюзий? Всегда ли она осколок дьявольского зеркала? Разумеется, нет. И об этом уже было сказано. Еще раз напомним о диалектической взаимосвязи противоположных аспектов термина «концепция». Благодаря определенной системе понимания происходит упорядочивание бытия. Наш опыт, в том числе и духовный, обретает внятную структуру, проявляется через язык и посредством него же передается. Но здесь же и расставлена ловушка. Григорий Соломонович дает один замечательный образ: «Всякий принцип можно сравнить с касательной к кругу правды. Пока он касается незримого круга, истинность его бесспорна» [Померанц, 2014, с. 44]. Разовьем этот образ.

3

Религиозный догмат соприкасается с кругом правды или с кругом истины, в этом нет никаких сомнений. Однако, коснувшись истины, догмат, продолжая настаивать на «твердых человеческих словах», на своей, словно по линейке проведенной черте, удаляется от истины. В любой религиозной концепции, особенно средиземноморской, присутствует то, что богослов Александр Шмеман назвал «торжеством исподволь отвлеченности», «ненужным возбуждением», «пристрастием к красивым словам» [Шмеман, 2005, с. 244]. Замечал отец Александр подобное и за собой. Читая дневники атеиста Поля

Леото, Шмеман испытывал радость, когда Леото обличал в нем, богослове и священнике, «всякую духовную дешевку». И одновременно с этим умение рассуждать в категориях отвлеченных является условием существования самой культуры. Тут важно, чтобы разглагольствования материального ума не засыпали песком внутренний огонь; чтобы страсти, будь то банальнейшая распущенность или одержимость религиозной идеей, не подожгли нас с четырех сторон, разрушив тот «сосуд», в котором мерцает этот огонь.

Догматическое учение Церкви на первоначальном этапе помогает осмыслению Божьего замысла. Его воспитательная роль огромна. Однако впоследствии, если канон остается лишь комплексом воззрений, он превращается в препятствие на пути к истине, которая не может быть полностью высказана. «В целостности духа тонут все слова, доступные уму» [Померанц, 2014, с. 56]. В какой-то момент самое главное, бесконечно важное уходит из наших слов, представлений, философских или религиозных систем, обрекая нас на одиночество и приводя в отчаяние. Не это ли экзистенциальное отчаяние переживает «смешной человек» Достоевского и, конечно, его «подпольный человек»? В некотором смысле герой «Записок из подполья» является «концептуальным человеком» русской культуры. На уродливость и нежизнеспособность *подполья* писатель и пролил свет. Вот какую нравственную оценку дает Достоевский своему антигерою, который, как бы проговариваясь, обнаруживает авторскую инстанцию: «Вы хвалитесь сознанием, но вы только колеблетесь, потому что хоть ум у вас и работает, но сердце ваше развратом помрачено, а без чистого сердца – полного, правильного сознания не будет» [Достоевский, 1973, с. 122].

Философ и теолог Николай Кузанский (1401–1464) называет Христа центром и окружностью интеллектуальной или духовной природы человека [Кузанский, 1979, с. 168]. Зарифмовав образ Кузанского с образом Померанца – оба обращаются к некоему «кругу истины», можно сказать, что мы всегда

застаем сокровенную реальность на повороте. Мы собираемся нечто провозгласить, но еще не успеваем закончить фразу, как обнаруживаем, что сокровенная реальность отклонилась от прямолинейности нашей мысли. Мысль либо касается круга истины, либо на манер хорды разрезает круг, а, разрезая, поневоле порождает *двойственность* или создает два пространства, которые мгновенно поляризуются на *ересь* и *догму*. Так наша мысль обкарнывает Истину. Мысли, в ее психологическом измерении, никак не удастся причаститься каждому незримому повороту Царства Божьего, совпасть с ним в плавном нематериальном изгибе, бесстрашно напоминающем мир явленный – ветку цветущей яблони, очертание весеннего облака, силуэт морской волны. Вот почему князь Мышкин удивляется тому, как можно видеть дерево и не быть счастливым. И вот почему неудержимо и стремительно *главное* уходит из наших концепций. Вроде бы и слова красивые, и представления канонические, и системы правильные, но жизни в них уже нет.

Существует ли выход из этого состояния, которое есть все основания назвать не только кризисом религиозного сознания, но и цивилизационным кризисом?

Безусловно, выход есть. Но выход этот ищет наш утративший вкус глубокой жизни «концептуальный человек». Вот в этом-то и вся проблема. Потому что он его никогда не найдет. Для начала концептуальное «я» должно символически умереть, а это значит *сдаться*. Но сдаваться оно не собирается.

Когда наш ум использует нас в качестве некой биологической батарейки, то он становится принудительно концептуализирующим, когда же мы используем его или правильно распоряжаемся им, то ум погружается в сердце и становится сердечным умом, так же как всё добываемое благодаря ему и передаваемое при его помощи знание становится сердечным знанием. Ум, до конца погруженный в Сердце, и есть воля Божья. Слова Христа «впрочем не Моя воля, но Твоя да будет» (Лк 22, 42) свидетельствуют о том, что наш ум

обнаружен, что «вуаль концепций», сброшенная на вещи, отделена от самих этих вещей, и теперь мы смотрим не на вуаль, не на рисунок нитей, а сквозь нити на сами вещи. И тогда мы видим суть без покрыва, что лишь для умов, неспособных постичь, надевает покров. Суфий Ибн Аль-Фарид уподобляет суть без покрыва вину. Но не то же ли самое делает Иисус на свадьбе в Кане Галилейской, претворяя воду концепций в вино Истины.

Нам не нужно отвергать или объяснять чудеса, описанные в Священном Писании. От нас требуется посмотреть сквозь них, сквозь «рисунок нитей» (в данном случае он представляет собою исторический контекст; язык иносказания; антропоморфизм; вероучительную доктрину) на суть вещей, которая ничем не отличима от нашего ума, до конца погруженного в Сердце. Но если ум «высовывается» из Сердца, то он тут же создает концепцию отдельного «я», и тогда Мефистофелю уже не так страшно в Царстве Матерей. Все-таки теперь это уже не полное непостижимой и тайной жизни Ничто. Не на эту ли метаморфозу указывает Мейстер Экхарт, когда говорит, что одна капля твари вытесняет всего Бога? [Экхарт, 2008]. Какой же силой обладает всего одна капля, всего одна концепция! Конечно, она несопоставима с Богом, но она может подобно соринке в глазу или нити из покрывала Майи отвлечь от Бога и ввести нас в некий концептуальный транс. Как только мы отделим наш ум от проблемы, с которой он столкнулся, проблема превратится в Бытие, а Бытие само о себе позаботится, прибегнув, разумеется, к помощи нашего ума, потому что другого инструмента, помогающего справиться с тем, что мы назвали проблемой, у Бытия нет.

4

На одной из елочных мистерий Зинаиды Миркиной сказочный персонаж Оль, выступающий в качестве Мастера, дает такое наставление своему ученику Тому: «Позволь Богу позаботиться о тебе. А это значит, храни Покой и делай

только то, чего не можешь не делать». Чаще всего проблема создается не потому, что мы приняли вызов жизни, а потому что перестали хранить Покой, перестали быть самой жизнью. Или выразимся иначе – отделили себя от жизни при помощи той или иной концепции, иногда весьма разработанной и впечатляющей, даже грандиозной. И тогда патриотизм сталкивается с космополитизмом, православие с экуменизмом, консерватизм с либерализмом. Все эти концепции Григорий Соломонович называл «однониточными теориями», словно бы апеллируя к покрывалу Майи.

Однако нельзя сказать, что проблем вообще не существует. Социальный, религиозный, экологический кризисы; терроризм, войны, пандемия – на всё это невозможно закрыть глаза. Но как только мы попытаемся загнать эти явления в масштабную теорию о жизни, о том, как она ужасна и какое опасное место представляет собою этот мир, так сразу же созданная нами концепция без вируса и свинца начнет разрушать нас, нанося удар по нашей психике и подготавливая почву для депрессии.

Мы стоим сейчас не перед лицом социальных или экологических коллапсов, мы столкнулись с гораздо большей угрозой – с *цивилизационным кризисом*, причиной которого всегда был «концептуальный человек». Вот только сегодня этот кризис достиг беспрецедентных масштабов. Осмыслим хотя бы одну новостную сводку, пусть она будет и прошлогодней. Журнал National Interest перечислил пять подлодок, способных уничтожить мир за тридцать минут. Три из этих военных машин – российские, остальные две – американские [Хейлбрунн, 2020]. На что здесь хотелось бы обратить внимание. Ни одна из этих подлодок не способна создать мир ни за тридцать минут, ни за тридцать миллионов лет. Субмарина, наспигованная атомным оружием, – это не только реальная угроза для жизни на Земле, это еще и символ ума, который очень далеко фаустовской поступью ушел от своего Источника. Мы оказались в

ситуации, когда мир потенциально уже готов покончить с собой. И потребуется для этого всего лишь полчаса.

Григорий Померанц, разделяя позицию Мартина Бубера, видел выход из подобного состояния цивилизации в *глобальном диалоге* не только культур, но и вероисповеданий. И необходимость в диалоге не просто назрела, она полностью определяет современную цивилизационную повестку. Сегодня речь идет об атомных подводных лодках христианского мира, а завтра пойдет об аналогичных военных машинах мира мусульманского. Это неизбежно: прогресс не остановить. В книге «Страстная односторонность и бесстрастие духа» Померанц писал: «Если кризис древности, кризис распада племенных религий кончился созданием Святого Писания и вокруг этой Главной книги строилась культура средних веков, то нынешний кризис не может кончиться еще одной, главнейшей книгой. <...> Дух всех великих религий бесконечен, и формой единства может быть только *диалог*, основанный на движении каждого вероисповедания и каждого верующего от буквы к духу» [Померанц, 2018, с. 178]. Направление указано верно, для нас оно неоспоримо, вопрос лишь в том, кто будет двигаться от «буквы» к «духу», от ненаблюдаемого ума к осознанности? Если в путь отправится «концептуальный человек», он же человек «буквы», то далеко он не продвинется. Он так увлечется этой новой проблемой, что превратит ее в еще одну систему собственной безопасности.

Если же вопрос как двигаться от «буквы» к «духу» поставит не концептуальное «я», а самое Бытие в нашем лице, то ответ придет не приметным образом, точно так же, как Царство Божие. И искать подобный ответ следует вдали от «родного торжища людского». Отшельник ищет его в целительном молчании пустыни, чтобы там, в нищете и безвестности, как выразился американский богослов Томас Мертон, «залечить в себе раны всего мира» [Мертон, 2007, с. 32]. А дитя цивилизации, впрочем, дитя уже достаточно повзрослевшее, могло бы определить вопросу – «как двигаться от буквы к

духу?» – его законное второе место. В первую же очередь нас должно интересовать *кто* ставит этот вопрос?

«Концептуальный человек» вовсе не погружен исключительно в материальное и мирское, прежде всего его занимают духовные феномены, он пытается постичь замысел мироздания. Однако он всегда останавливается на полпути, но не к постижению замысла, а к обнаружению самого себя. Ведь если с концептуального «я» содрать все покровы, оно просто исчезнет, и тогда останется только то, о чем говорит Авраам: «Вот я весь, без я». И только в этом случае нам откроется замысел мироздания.

Мы есть тайна мироздания. Поиск можно остановить. Но концептуальное «я» никогда с этим не согласится, ведь оно находится в бесконечном поиске. Почему этому поиску не будет конца? Да потому что наш «концептуальный человек» ищет то, что мы никогда не теряли. Но найти то, что ты не терял, и вправду невозможно. Вот почему концептуальная личность – это кризис в чистом виде, но, как мы помним, тот специфический кризис, который не имеет исхода. Концептуальная личность возводит кризис подобно зданию, а строительный материал для него добывает из самой себя. Не потому ли ее и называют «телом боли». Страдать нас заставляют не обстоятельства или люди. Страдания причиняют нам наши мысли или неисследованные убеждения. В масштабах цивилизации здание, которое возводит концептуальная личность, превращается в Вавилонскую башню. Камни, из которых сделана башня, это миллионы наших ропщущих на жизнь концептуальных «я». Согласно библейскому преданию, Бог разрушил башню, однако «смертной мысли водомет» не устает бить, и этажи полужизни продолжают расти.

Превратные суждения о природе реальности затрагивают весь спектр отношений, самыми уязвимыми из которых оказываются семейные. Семья не

остаётся в стороне от так называемого системного кризиса общества. К слову сказать, было бы поспешным трактовать его как «кризис смысла существования человечества». Всё это приводит лишь к умножению концепций.

Среди исследований, посвященных психологическому аспекту кризиса отношений, а таких изысканий великое множество, хотелось бы выделить книгу американской писательницы Кейти Байрон «Любить то, что есть» [Байрон, 2021]. В ней изложена оригинальная методика обнаружения «вуали концепций» и работы с ней. Методика так и называется «Работа». Автор не призывает нас уничтожать *вуаль*, ведь нельзя уничтожить то, чего нет. Байрон лишь предлагает сфокусировать внимание на том, что есть, полюбить, то, что действительно есть, и перестать вступать в отношения с тем, чего не существует. В своей книге она разбирает десятки различных семейных конфликтов, которые очень похожи друг на друга. Концептуальное «я» создает страдание в семье всегда по одному и тому же сценарию. Я не стану приводить примеры из практики Байрон, но чтобы можно было составить впечатление о книге, смоделирую ситуацию в духе ее разборов.

Предположим, что концепция одного из партнеров, состоящих в браке, такова: «Жена причиняет невыносимую боль мне, а я – ей. Мы квиты, хотя всё это и ужасно». Какой этический выход могла бы найти из этой ситуации концептуальная личность? «Жена заставляет меня страдать, что же – я буду терпеть. Каждый должен нести свой крест». Но не самообман ли это? Не исказит ли этот человек свою жизнь? Не исказит ли он жизнь своей жены, которая, возможно, станет воспринимать перемены в поведении мужа как способ изощренной мести, как очередную форму издевательства над ней. Каков же выход из этой экзистенциальной ситуации?

Нам не нужно улучшать свое концептуальное «я» или убивать его, нам необходимо его обнаружить. Если это произойдет, то мужчина, переживающий кризис семейных отношений, вдруг поймет: «Я сам причиняю себе боль, я сам

заставляю себя страдать. Никто кроме меня не способен на это. Ни у кого нет ключа зажигания от моей машины страданий. Должен ли я нести этот крест? Когда и почему я решил, что это мой крест? Не сам ли я создаю его из своей концептуальной личности?» В этом случае терпеть, эксплуатировать образ креста уже не придется. Не *другой* заставляет нас страдать, а наши собственные мрачные мысли, которым мы поверили, «вуаль концепций», за которой мы перестали видеть реальность. *Что делать* после того, как осознание состоялось? Какие следует предпринять действия? Спасать брак, разводиться? Но вопрос так уже не стоит. Он перешел из бытовой плоскости в бытийную. Теперь вопрос звучит иначе – *каким быть?*

Нам необходимо исследовать природу нашего страдания и выяснить кто страдает. А страдает концептуальная личность, которой не существует. Однако она способна на многое, если разыгранный ею спектакль заставит нас поверить в реплики, которые персонажи произносят на сцене. Трудно усомниться в гениальности подобной игры. Захваченные врасплох своим принудительным мышлением, мы совершенно забываем, кто мы и где находимся. Пребываем же мы Дома, всегда в доме Отца своего, а не в театре. И мы не реплики нашего ума, не конвульсии «тела боли», не позы, которые оно принимает. Мы – тайна мироздания, мы центр этой Тайны. Мы – не концепции волны. В состоянии «здесь-присутствия» мы не затронуты ими. От концепций волны свободен смех, когда он становится смехом прозревающего. От концепций волны свободно то особое безмолвие, в котором наш ум прекращает свою болтовню.

«Огонь целостного познания»

1

Работая над статьей, я в какой-то момент понял, что она должна быть написана от первого лица. А первое лицо предполагает исповедальную интонацию. Обнаруживаю ли я в себе концептуальную личность? Безусловно. И

это лучшее, что со мною может произойти. Если ненаблюдаемый в повседневной жизни ум выявлен, то из того, в чьей полной власти я нахожусь, он превращается в моего незаменимого помощника. Борюсь ли я со своим «концептуальным человеком»? Да, бывает и такое. Но исход борьбы предрешен – я проиграю. Поэтому лучше дальше опыта обнаружения не идти. Там, где есть борьба, есть и самоутверждение, но Океану не нужно ни над чем возвышаться, ни над кем властвовать. Не существует того, перед кем или за чей счет Океан будет самоутверждаться. О чем говорит то, что я иногда борюсь со своим «концептуальным человеком»? Ни о чем. Если я не стану страдать по этому поводу, то борьба быстро прекратится. А вот если я начну испытывать чувство вины за то, что я все-таки вступил в борьбу, то борьба продолжится.

Закрывать этот вопрос раз и навсегда невозможно. Исполдволь он будет вставать снова и снова. Спрошу себя еще раз. Не пытаюсь ли я самоутвердиться за счет своего «концептуального человека»? Не пользуюсь ли я его же методами? Не слишком ли я категоричен? Не слишком ли концептуален? Вбивая клин между концептуальной личностью и целостным Я, не усиливаю ли я позиции своего психологического ума? Но этот поток вопросов пересекается потоком более мощным, который, подобно реке, уносит меня в Океан. «Пролей всю душу через край / И ничего не объясняй» [Миркина, 2017 а, с. 25], дают мне совет мой учителя. Мощный этот поток – «поэзия священной глубины», как охарактеризовал Померанц поэтическое творчество своей супруги, или «огонь целостного познания, прорвавшийся из глубины» [Померанц, 2014, с. 98], как он описал свой критерий истинности.

Можно было бы сказать, что «концептуальный человек» является подступом к целостному человеку, или они в таких же отношениях как категории *дэ* и *дао* китайской философии: не только противостоят друг другу, но и дополняют. Конечно, речь идет об этапах роста души, потому что отдельное «я» – это этап, но он может и затянуться. Власть инерции и рутины

огромна. Кто на себе их не испытал? Вот почему приоритеты в этой работе расставлены таким образом, чтобы сосредоточить внимание на *интенсивности бытия*, на бескомпромиссной *целостности духовной жизни*.

Теперь проясним некоторые из тех моментов, которые могут вызывать вполне законные вопросы. Например, как может концептуальная личность одновременно «плясать» вокруг золотого тельца и быть идейным борцом? Раскачиваясь, маятник материального ума устремляется от одного идола к другому. Между духом наживы и идеей свободы, равенства и братства пролегает пропасть, но отдельное «я» легко ее преодолевает. Вот почему оно не только выстраивает деловые отношения с миром, но способно стать и мучеником идеи построения рая на Земле.

Почему отдельное «я» скроено по меркам нашего ненаблюдаемого ума, а значит, и по меркам «толпы в нас»? Да потому что сознание толпы точно так же не способно посмотреть на себя со стороны.

Если это произойдет, «толпа в нас» сразу будет парализована. Именно это и сделал Христос, предложив тому, кто без греха, покарать блудницу. Да еще чтобы человек толпы бросил камень первым. Своими словами Он разрушил всю анонимность отдельного «я», и оно тут же поспешило скрыться. Отдельное «я» не выдержало слишком яркого света осознанности. Точно так же оно оказывается деморализовано и связано по рукам, когда мы не отождествляемся с ним.

Не впадет ли *волна* в прелесть, когда узнает, что она есть *Океан*? Самосознание волны постоянно пытается найти изъян в самосознании Океана. Волна полагает, что если обнаружит в себе океаническую жизнь, океанические глубины, то она сразу же столкнется с соблазном самообожествления, а там и рукой подать до религии *человекобога* или «религии хлеба земного». Действительно, такая опасность существует. Но происходит это лишь тогда, когда волна, подобно старухе из пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке»,

решает на гребне своих всё возрастающих желаний стать владычицей морскою, и чтобы золотая рыбка – читай самосознание Океана – служила ей и была у нее на посылках. Тактика волны вполне узнаваема. О каком ее единстве с Океаном может идти речь в этом случае? Это лишь имитация единства. Волна, которая имитирует Океан, и должна бояться самообожествления. Но волна, ставшая Океаном, вспомнившая, что она всегда была беспредельным бытием, волна, пробудившаяся к океаническому Сознанию, восстанавливает связь со своей *богочеловеческой* природой и взыскует хлеба небесного.

2

В первой половине XX в. «концептуальный человек» в большей степени ассоциируется с умом *идеологическим*, чем с *психологическим*. Однако это лишь два взаимодополняющих аспекта одного феномена. Идеологическая составляющая отдельного «я» с не меньшим успехом, чем психологическая, игнорирует *вселенское духовное сознание*, которое Николай Бердяев называл «вселенской истиной».

В чем обвиняет Бердяев на страницах знаменитых «Вех» дореволюционную русскую интеллигенцию? В той особой концептуализации или идеологизации, которая не имеет ничего общего с практическим, естественным умом. «...вопросы аграрный или рабочий представлялись ей вопросами мирового спасения, а социологические учения окрашивались для нее почти что в богословский цвет» [Бердяев, 1990, с. 4]. Способность русской интеллигенции увлекаться идеями, в частности идеей «политического порядка» и «общественного строительства», загораться ими и воплощать их в жизнь имела катастрофические последствия. Вот и демократическую публицистику Бердяев упрекает в том, что она была не «конкретная» и «практическая», а «отвлеченная» и «человекопоклонская». Так борьба с самодержавием отодвинула на второй, если не на третий план «*духовное творчество*» русского

интеллекта. Духовная жизнь просто потеряла свой смысл в тени «программного лозунга», призывающего к «уравнительной справедливости» и «общественному добру». Но *добро* без Духа, *справедливость* без Духа оборачиваются шигалевщиной, уже ничем не ограниченным самовластьем, тотальным закабалением того самого народа, который интеллигенция рассчитывала освободить.

Нельзя сказать, что исторический процесс – это некая слепая сила. Она слепа в том отношении, что за каждым историческим событием стоит конкретный «концептуальный человек», ослепленный той или иной идеей; и эта сила раскрывает свои духовные глаза, когда мы обнаруживаем всю несостоятельность нашего отдельного «я». Сделать это несложно, если мы видим, как отдельное «я» попирает свободу и гражданские права, и немыслимо трудно, когда наше отдельное «я» восстает против беззакония и произвола. Разумеется, во всем можно было бы обвинить власть. Вот как об этом пишет Бердяев: «Русская интеллигенция была такой, какой ее создала русская история, в ее психическом укладе отразились грехи нашей болезненной истории, нашей исторической власти и вечной нашей реакции». Но на той же странице он предлагает и недвусмысленный выход из этой ситуации: «Мы освободимся от внешнего гнета лишь тогда, когда освободимся от внутреннего рабства, т.е. возложим на себя ответственность и перестанем во всем винить внешние силы. Тогда народится новая душа интеллигенции» [Бердяев, 1990, с. 22].

Веховцы не были услышаны. Померанц дает следующую справку: «Примерно на 1040 собраниях за “Вехи” высказалось около 70 аудиторий, а 970 – против. Грубо говоря, 97% против 3% резолюций» [Померанц, 2014, с. 118].

Проводя исторические параллели с сегодняшним днем, можно сказать, что призыв веховцев к жизни в духе, к духовному творчеству не отменяет гражданской активности, он наполняет ее другим содержанием. Анализируя положение, сложившееся в России к началу девяностых, Григорий Померанц

писал о том, что распад коммунистической системы толкал к легкомысленному упоению свободой, а свобода в России издавна вырождалась в своеволие. Очень горькое наблюдение, и очень верное. Участник диссидентского движения, автор доклада «Нравственный облик исторической личности», который фактически приостановил реабилитацию Сталина в середине шестидесятих годов, Померанц подвел неутешительный и в то же время жизнеутверждающий итог своей борьбе. В 1970 г. он написал в записной книжке, что духовно выиграл, так как политическая безнадежность освободила его от политических задач. И добавил в начале девяностых, что диссидентство победило *морально*, но не *политически*. Вывод, который можно было бы сделать из этого, таков. Дело не в той или иной политической системе, а в людях, которые не меняются так быстро, как хотелось бы стороннику перемен. Медленное неуклонное движение к правовому пространству, которое пусть только извне ограничивает волю отдельного «я», – таким видится наше сегодня и наше завтра. Истинная свобода – это любовь к Богу в себе и любовь к Богу в ближнем, но путь от понимания свободы как любви лежит через царство закона. Такого писаного закона, который не входит в непримиримое противоречие с законом неписанным. Да, царство закона ограничивает деспотическую волю отдельного «я», но ничего не знает о внутренней благодатной свободе. Вот почему никакой закон не способен изнутри ограничить волеизъявления отдельного «я». И вот почему Христос ставит заповеди любви выше всех запретов.

3

Отдельное «я» страстно односторонне, но эта односторонность имеет множество оттенков и полутонов. Не потому ли концептуальная личность нас завораживает. Она может ярко жить, ей не чужд эстетический вкус. Она считает себя вполне развитой, она эксперт во многих вопросах, в том числе и в вопросах морали. Более того, этическая составляющая страстной односторонности

предмет гордости отдельного «я». Но она же одновременно и его самое уязвимое место.

Концептуальная личность знает, что бессовестный человек ужасен. Она не хочется прослыть чудовищем, и поэтому ее мучает совесть. Причем концептуальная личность убеждает себя в том, что с угрызений совести начинается путь к Богу. Этически этот вывод безупречен. Однако отдельному «я» невдомек, что прежде, чем строго осудить себя, нужно горячо полюбить в себе Бога. Но отдельное «я» не знает Бога. Оно потому и называется «отдельным», что отделено от Него. В результате раскаяние превращается в самосуд и оборачивается совершенно неожиданной победой гордыни. Не потому ли герой романа «Бесы» Николай Ставрогин после неудавшейся исповеди вешается. Нет такого философского вопроса, который бы не поставил психологический ум, и нет ни одного верного ответа, который бы он дал.

Психологический ум очень любит анализировать тело и всячески с ним соотноситься. Слабо развитая концептуальная личность полагает, что она есть тело и со смертью тела прекратится всякое ее существование. Подобную зависимость от тела следует назвать положительной, а отношение к жизни – наивным реализмом. Сильно развитое отдельное «я», духовно практикуясь, склоняется к тому, что оно не есть тело. Однако человек постоянно носит в своем уме то мертвое тело, которым он отказывается быть, с которым у него конфликт, и тогда возникает отрицательная зависимость от тела. Вот почему мастер учения о недвойственности говорит своим ученикам, что им нужно как-то избегать как концепции тела, так и концепции отсутствия тела.

Продолжением этого наставления могло бы стать следующее напутствие. Следует с большой серьезностью отнестись к вопросу «Существует ли Бог на самом деле?» И не торопиться с ответом. Итальянский священник и писатель Энтони де Мелло [Мелло, 2009], безусловный исповедник вселенского духовного сознания, заметил в одной из своих притч: атеист неправ, отрицая то,

что нельзя выразить словами, а теист неправ, утверждая то, что нельзя выразить словами. Или, как на это не раз указывал Померанц, концепция Бога – это всегда только лишь касательная к «незримому кругу духовной цельности». А Миркина написала об этом так: «Бог есть любовь. И Бог мой есть. / И эта внутренняя весть, / Которую веки мне / Не подтвердит никто извне» [Миркина, 2017 б, с. 77].

Психологический ум очень любит рассуждать о загробной жизни. Незрелый психологический ум готов героически посмотреть правде в глаза. Он утверждает: «Я умру, и это конец». Он не питает иллюзий относительно будущего, и заканчивает унынием или буйством. Развитый психологический ум верит в жизнь после смерти и собирается воскреснуть в прежнем виде. Правда, непонятно, как может умереть, да еще и воскреснуть то, чего не существует. Ведь отдельное «я» является иллюзией. Мудрец же твердо знает, что как отдельное «я» он исчезнет, но как безграничное бытие он не рожден и не умрет. Он та вечность, которая не только конца не имеет, но и начала. Это и есть бессмертие. Это и есть вечная жизнь. Ничто не может положить ей предела, как и Самому предвечному Богу, но только если ты впустил Его в сердце, как сказал один цадик. И Бог стал уже ничем не отличим от Сердца.

Слабая концептуальная личность убеждена в том, что Бога нет, а концепция индивидуальности есть. Сильная концептуальная личность, которая транслирует себя через крупного ученого или религиозного фундаменталиста, верит в Бога в рамках отношения «Я-Оно», а это значит – есть Бог *и* я. Верующий естествоиспытатель, отождествив себя с сильной концептуальной личностью, полагает, что Вселенная не появилась сама собой: за ее созданием стоит высший разум, т.е. наш мир является чьей-то *разработкой*. И этот высший Разработчик, уж конечно, не я, простой смертный. Ревнитель «буквы» любого из верований, став рупором сильной концептуальной личности,

утверждает, что Бог пребывает в высших, недоступных сферах, и человеку, в силу его несмываемой греховности, этих сфер не достичь.

Подлинный мистик с этим никогда не согласится. Он скажет, но не напрямую, а своим духовным творчеством, что пока нас двое – я и Ты, нет ни меня, ни Тебя. Мы оба есть, когда мы Одно. Таково в своем пределе буберовское отношение «Я-Ты». И это же положение является краеугольным камнем адвайты-веданты, учения о недвойственности. Вот почему Померанц, обращаясь к брахманской традиции, уподобил приход к сознанию *недвойственности* Бога и человека евангельскому Царству Божьему.

А в лесу немом – только Бог.
А в лесу родном – только я.
Между Ним и мной стерт порог –
Чаша полная бытия.
А в лесу родном – тишина.
А в лесу немом – высота.
Чаша полная мне дана.
Чаша доверху налита.
В царстве Божием – в том лесу –
День один точно долгий год.
Чашу каждому поднесу.
Только каждый ли отопьет?

[Миркина, 2017 а, с. 33]

Бытие больше не расколото на Бога и меня, оно целостно. В Бытии нет трещины, как не может быть трещины в Пустоте: трещине не по чему пройти.

Таковы общие духовные основания западной картины мира и восточной, которые составляют *единый* мир на глубинном уровне сознания.

4

Неразвитое отдельное «я» не знает о том, что оно находится в духовном кризисе. Оно уже страдает и порой невыносимо, от своей атомарности, но радости жизни, часто весьма сомнительные, еще не потеряли своей свежести и привлекательности. Психологический ум на коне, и кажется, что нет такой тоски, которую нельзя было бы развеять. Удовольствие, извлекаемое из страдания, пока еще имеет вкус победы, а собственные поражения предстают в романтическом ореоле. Однако, развиваясь, отдельное «я», расстаётся со львиной долей своих иллюзий. Оно уже ощущает, что приближается к черте, за которой суждено исчезнуть, и испытывает экзистенциальный ужас. Ужас не только перед смертью, но и перед тем Целым, от которого самонадеянно отделилось. Однако психологический ум рассчитывает и здесь не ударить в грязь лицом: он делает робкие шаги по направлению к Целому. Начинает психологический ум или «концептуальный человек» с морализаторства и дидактики. Внезапно он становится идейным или религиозным. Он находит какой-нибудь учебник жизни или поводыря, чтобы познать истину. Нужно сказать, что через этот этап проходят многие искатели, что вполне естественно.

Я хорошо помню, как испытал удовлетворение, когда наткнулся на критику буддизма, да еще из уст такого авторитетного христианского мыслителя как Владимир Соловьёв. Автор «Чтения о Богочеловечестве» назвал учение Будды «отрицательным откровением» [Соловьёв, 2011, с. 56]. А потом я пришел к Зинаиде Александровне и заговорил о буддизме в интерпретации Соловьёва. Строго и с огромной любовью посмотрев мне в глаза, она тихо сказала: «Выросла я в атеизме, тем не менее я выросла в христианстве и в Христе, и конечно, для меня это самое родное, сращенное со мной совершенно.

Тем не менее я чувствую, что если пнуть Будду, защищая Христа, то это пнуть Христа». И все мои иллюзии рассеялись. Она просто прожгла меня своим взглядом.

Духовный путь труден и долог, но для кого? Для моего отдельного «я», больше всего пекущегося о своей территориальной целостности. Моему истинному Я идти некуда, оно уже Дома, и этот дом – вселенское духовное сознание.

Но вернемся к психологическому уму, который, осознав свою ограниченность, вступил на столь опасный для него путь. В какой-то момент психологическому уму даже кажется, что пережитый им духовный опыт, который невозможно забыть, но в котором не получается закрепиться, и есть путь к спасению. Однако это не так. Пока у концептуальной личности есть силы для страдания, нам никто помочь не может. А силы эти не растрачены. Материальный ум спрятал их в надежном тайнике, замаскировав под духовные практики, направленные на подавление желаний. Но, как известно, щетка, очищающая ум, это тоже ум.

Отдельное «я», теперь оно ходит в белых одеждах, всё еще восстает против своих чувств и не дает им возрасти. Оно очень боится, что, если чувства разовьются, то они непременно введут в искушение. Происходит это не потому, что психологический ум запуган лжеповодырем или не проникся доверием к истинному наставнику. Причина здесь иная. Психологический ум откуда-то знает, что чувства, достигшие своей полной силы и глубины, приведут к его смерти. И он очень боится ее. Он не верит, что, умерев, переродится в ум сердечный.

Но даже после второго рождения, рождения в духе, отдельное «я» не сдастся. Нашу до конца не развенчанную концептуальную личность ожидает темная ночь души. Нашего пришедшего к Богу и глубоко укрепившегося в вере «концептуального человека» ждет искушение богооставленностью. Концепция

хочет достичь более высокого уровня сознания, и поэтому между нею и Сознанием будет существовать «завеса». *Хочет* концепция, *желание* обрести Бога испытывает концепция. Она лишь отстирала свои одежды от тех пятен невежества, которые бросались в глаза. Отдельное «я» всё еще живо, и оно верит своим плохим мыслям, главная из которых: «Бог оставил меня».

Через темную ночь души проходили великие подвижники. Но они потому и великие, что «тело боли» [Толле, 2011], погруженное в Свет молитвы, наконец растворялось, и мрак психологического ума рассеивался. И они уже больше не оставляли Бога. Он-то их никогда не покидал. Да и как Бог может покинуть тебя? Это все равно что сказать, что между мною и моей Сутью есть расстояние. Иногда оно увеличивается, иногда сокращается, но оно есть. Именно так и считает отдельное «я». Такова «старая религия» отдельного «я». Но расстояния между мною и моей Сутью не существует, а это значит, что не существует *двух* – меня и моей Сути. Есть, воистину есть Одно, Целое, Бытие, Бог. Мне даже не нужно отказываться от самого себя в пользу моей Сути, потому что вне моей Сути меня нет, так же как не существует моей Сути вне меня. Господи, какое же счастье никогда не забывать об этом! Да и как об этом возможно забыть? Если никаких особых усилий к этому не прикладывать, так и не забудешь. А это и значит «храни Покой и делай только то, чего не можешь не делать». Когда я необратимо осознаю всё это, тогда любая концепция превратится в невиннейшее создание моего естественного, практического ума. И я перестану страдать сам и изводить других. Это и есть Царство Божие, это и есть Нирвана.

Но разве «концептуальный человек», в затылок которого дышат выстроившиеся в очередь духовные практики, с этим согласится? Ведь тогда рухнет вся духовная империя психологического ума. «Как! – воскликнет он. – Неужели все так просто? Не может быть!» К нашему великому счастью, может. Психологический ум – это лишь форма вежливого откладывания Царства

Божьего на потом. А уж в этом «потом» всё так предусмотрено, всё так сложно друг с другом связано, что кажется в высшей степени правдоподобным. Психологическому уму сложное понятнее, чем простое. Но поблагодарил же Григорий Сковорода Бога от всего сердца за то, что Он сделал всё нужное простым, а все сложное ненужным.

5

Персонажи ведической притчи – Рамачандра, устами которого говорит Суть Сердца, и его великий сподвижник Хануман ведут следующий диалог. Рамачандра спрашивает: «Сын мой, в каком отношении ты рассматриваешь меня?» Хануман отвечает: «Когда я думаю о себе, как о воплощенном, я – Твой слуга, и Ты – мой Господин. Когда я думаю о себе, как о высшем Я, я – Твоя часть, и Ты – Всеобщее Целое. Но когда я думаю о себе, как об Атмане, то я с Тобой – одно. Тогда я чувствую, что я – это Ты, а Ты – это я» [Рамакришна, 1914, с. 38].

В этой притче с изумительной ясностью показано, как «сподвижник» или верующий освобождается от психологического ума. Волна, осознавшая свою причастность Океану, уже не чувствует себя потерянной и одинокой. В ее жизни появляется смысл: она служит чему-то гораздо большему, чем она сама. Однако она всё еще остается в плену своих концепций, которые представляют собою те комнаты во дворце Господина, куда слуга не решается входить, хотя они и открыты. Мало того, Господин приглашает слугу в эти комнаты-обители. Он даже предлагает слуге свою дружбу, но тот не решается принять ее. То ли слуга боится проявить непочтительность, то ли считает себя недостойным столь высоких почестей. Но чем дольше слуга живет во дворце и чем чаще он находится с Господином, тем больше обителей рады ему. Оказывается, он желанный гость в каждой из них. И вот волна уже осознает себя частью беспредельного Океана. И даже в чем-то подобна Ему. Однако психологический

ум напоминает: «Ты всё еще отделена от Океана. Ты по-прежнему отдельное “я”, которое лишь иногда забывается и воображает бог знает что». Проходит еще время, и дружба между слугой и Господином становится такой крепкой, что слуга превращается в ученика, а господин в Учителя. Учением же становится дворец, в котором они живут.

Последний урок, который дает Учитель, состоит в том, чтобы покинуть дворец. Как бы дворец ни был прекрасен, это лишь грандиозное строение, состоящее из концепций. Когда дворец растает в розовой дымке, останется только бескрайнее небо. Растает и Учитель, а точнее, исчезнет двойственность, в силу которой наша Суть разделилась на ученика и Учителя, на часть и Всеобщее Целое, на Ханумана и Рамачандру. И вот когда двойственность исчезнет, волна, всё еще оставаясь по форме волной, ведь нам не нужно избавляться от ума или от тела, осознает себя Океаном. В этом осознании сгорает психологический ум или болевое тело. А остается ум практический, естественный, сердечный и естественное тело, за которое больше не нужно цепляться, не нужно его удерживать. Ведь ты – Океан, а не волна. «Я как волна исчезну, я как Океан не рожден и не умру», – любил повторять Померанц.

Кому-то для осознания того, что «я – это Ты, а Ты – это я» требуется целая жизнь, а кому-то – один миг, после которого жизнь и становится *целой*. Этот особый миг не имеет никакого отношения ко времени, но ему и не нужно противопоставлять себя времени. Он подобен искре, взметнувшейся над костром, но это не искра. Он подобен молнии, но это не молния. Именно это случилось с Зинаидой Александровной летом 1945 г. на даче, когда она увидела, как вспыхнул в дождевых каплях, висевших на еловых иголках, Фаворский свет. И ей открылось, что Творец этого мира совершенен. И она увидела тот Лик Христа, который не имел ни одной черты, и даже намека на черты, и даже подобия намека. Лишь сердце твердо знало, что это Он. И когда вскоре после Встречи с самою собой она открыла Евангелие, то у нее не было уже ни одного

вопроса, она как будто бы наперед знала, что произойдет, и что скажет Иисус, потому что это не Он говорил, а ее сердце говорило. Но с кем оно говорило и кто все-таки говорил? Океан говорил с Океаном. И разговор этот уже никогда не кончался. Спустя полвека она напишет: «Но так под снегом роща хороша, / Так каждый белый ствол лучу послушен... / Оглянешься – вокруг одна душа, / Одна Душа, окликнувшая Душу» [Миркина, 2017 а, с. 27]. А есть ли что-то еще? Есть ли что-то отдельное от Души? Разве что отдельное «я», идея отдельности, мой «концептуальный человек». Но отдельное «я» не является онтологической сущностью, хотя постоянно выдает себя за нее. Это даже не волна, это лишь пена на поверхности Океана.

6

Распространен такой взгляд, согласно которому наша несовершенная действительность является подготовкой к некой *светлой грядущей эпохе*. Согласно этой теории, упадок цивилизации, ее духовный кризис, духовный кризис человека сменится подъемом, и возникнет «новое общество», состоящее из духовно развитых и творческих личностей. В оптимизме этому прогнозу не откажешь, но он создает ситуацию, при которой наше «здесь и сейчас» окрашивается в пессимистические тона. Мне кажется, не существует заблуждения более опасного. И оно прочно связано с базовыми ценностями великой европейской культуры, в которой, видимо, неискореним ген утопизма. Сколько уже раз фокус жизни, жизни, уподобляемой рогу изобилия, переносился столпами культуры Средиземноморья в будущее или в прошлое? Сколько раз намечалась дата Апокалипсиса как конца грешного мира, за которым начнется что-то поистине Новое, совершенно небывалое. Но что может быть небывалее и благодатнее «вечного теперь», того момента нашей жизни, который мы проживаем здесь и сейчас? Справедливо наблюдение Клайва Льюиса, заметившего, что чем более мы думаем о грядущем мире, тем

сознательнее живем в этом, однако высшая осознанность состоит в том, чтобы сказать «да» настоящему моменту. Вечная жизнь – это не будущая жизнь, не отложенное на потом бессмертие. Вечная жизнь – это *жизнь без смерти*.

Восток говорит: отбрось беспокойство, которое представляет собой лишь идею отделенности. И Запад отвечает. Я беспокоюсь не просто так, на то есть объективные причины. И мне нужно еще несколько атомных субмарин, чтобы я почувствовал себя в безопасности. Но тот же Запад в лице американского духовного учителя говорит, что вы полностью теряете связь с реальностью, когда верите в то, что есть законные основания для страдания.

Вселенское духовное сознание уже давно перешагнуло все границы и барьеры. И в стране «нового варварства» Америке рождаются мистики, у которых нам есть чему поучиться. Они не имеют никакого отношения к «американскому просветительскому мировоззрению» [Евлампиев, 2020], а точнее, они просто вышли из кризиса, созданного этим мировоззрением. Но таков духовный путь всякого мистика. Нет кризиса, нет и просветления. Не отдельное «я» выходит из кризиса, это невозможно ни на Востоке, ни на Западе, ни в Воронеже, ни в Варанáси, из духовного кризиса выходит тот, кто обнаруживает свое отдельное «я».

Было бы довольно трудно в работе, которая посвящена развенчанию концепций, созданных материальным умом, проигнорировать аналитический инструментарий. Клин клином вышибается. Но после того, как операция завершена, оба клина без сожаления отбрасываются. То, что в итоге остается, и есть неуничтожимое, ничем не затронутое Бытие. Беспрецедентный цивилизационный кризис, о котором шла речь, не более чем очередная концепция, но только в том случае, если не отводить глаз от Бытия. Стоит нам ослабить внимание и отвлечься, как мы тут же отдадим себя на милость своим иллюзиям или укорененным шаблонам, своим страхам или неисследованным убеждениям. Всерьез воспринимать свои тягостные и навязчивые мысли – это

значит подкармливать отдельное «я». А верить отдельному «я» – это значит избегать ответственности. Вместо того чтобы твердой рукой вести корабль курсом нашей Сути, прикладывая необходимые каждодневные усилия, мы покидаем капитанский мостик. И тогда мы становимся несчастны, а мир летит в пропасть. Тогда у нас находятся силы для страдания, которое мы создаем собственными руками. Если психологический ум не сгустил краски, столкнувшись с незначительной бытовой проблемой, не впал в иступленное отчаяние, избрав для этого достойный информационный повод, то день для него прошел зря. Однако предаваться интеллектуальной панике значит демонстрировать безответственное поведение, которое прикрывается благородным порывом спасения мира. А всё, что от нас требуется, – это спасти мир от нашей концептуальной личности. Со всем остальным мир справится сам.

Список литературы

Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. – СПб.: Азбука-классика, 2001. – 510 с.

Байрон Кейти. Любить то, что есть: четыре вопроса, которые изменят вашу жизнь. – М.: Эксмо, 2021. – 400 с.

Бердяев Н.А. Вехи ; сборник статей о русской интеллигенции Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, М.О. Гершензона, А.С. Изгоева, Б.А. Кистяковского, П.Б. Струве, С.Л. Франка. Репринтное воспроизведение издания 1909 года. – М. : Международная ассоциация деятелей культуры «Новое время» и журнал «Горизонт», 1990. – 211 с.

Гёте И.В. Фауст / (в переводе Н.А. Холодковского). – СПб.: СЗКО, 2020. – 768 с.

Достоевский Ф.М. Сон смешного человека // *Ф.М. Достоевский.* Собрание сочинений: в 15 т. – СПб. : Наука, 1995. – Т. 14 : Дневник писателя. 1877. – 783 с.

Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 30 т. – Л. : Наука, 1973. – Т. 5 : Повести и рассказы. 1862–1866 : – 407 с.

Евлампиев И.И. Анри Бергсон: философия грядущей эпохи. – СПб.: РХГА, 2020. – 360 с.

Ибн Аль-Фарид. Винная касыда / перевод З.А. Миркиной // *Миркина З.* Потеря потерь. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 256 с.

Кузанский Н. Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1979. – Т. 1. – 486 с.

Мелло Э. Одна минута глупости. – М.: София, 2009. – 256 с.

Мертон Т. Философия одиночества. – М.: Общедоступный Православный Университет, основанный протоиереем Александром Менем, 2007. – 112 с.

Нисаргадатта М. Любовь к Себе. Прямые указания на Реальность. – М.: Ганга, 2020. – 624 с.

Померанц Г.С. Возникновение и становление личности. Лекция Григория Померанца, прочитанная 7 февраля 2008 года в клубе – литературном кафе Bilingua в рамках проекта «Публичные лекции Полит. ру». –

Режим доступа : <http://www.gazetaprotestant.ru/2010/09/vozniknovenie-i-stanovlenie-lichnosti/>

Померанц Г.С. Записки гадкого утенка / предисл. З.А. Миркина; послесл. Р.М. Перельштейн. – М.: Текст, 2018. – 655 с.

Померанц Г.С., Миркина З.А. Спор цивилизаций и диалог культур (Лекции и статьи нулевых годов). – М. ; СПб.: Центр гуманитарных инициатив : Университетская книга, 2014. – 504 с.

Померанц Г.С., Миркина З.А. Великие религии мира. – 4-е изд. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. – 256 с.

Померанц Г.С. Страстная односторонность и бесстрашие духа. – М. : Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 960 с.

Рамакришна. Провозвестие Рамакришны. – СПб.: Новый человек, 1914. – 126 с.

Соловьёв С.В. Чтения о Богочеловечестве. – М.: Академический проект, 2011. – 293 с.

Сурожский А. Взаимоотношения церкви и мира с православной точки зрения // *Континент.* – 1996. – № 89. – С. 244–264.

Миркина З.А. Блаженная нищета. Избранные стихи 2007, 2008 и первой половины 2009 годов. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017 а. – 240 с.

Миркина З.А. Из безмолвия. – М. : Evidentis, 2005. – 366 с.

Миркина З.А. Дослушанный звук. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017 б. – 144 с.

Муджи. Белый огонь. Духовные Откровения и Указатели Мастера Адвайты. – М.: АСТ, 2021. – 384 с.

Померанц Г.С. Открытость бездне. Встречи с Достоевским. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 416 с.

Толле Э. Новая земля. Пробуждение к своей жизненной цели. – М.: РИПОЛ классик, 2011. – 336 с.

Хейлбрунн Я. National Inttrrest // РИА «Новости». – Режим доступа : <https://ria.ru/20200130/1564038601.html>

Шмеман А. Прот. Александр Шмеман. Дневники 1973–1983. – М.: Русский путь, 2005. – 735 с.

Шри Х.В. Л. Пунджа Истина ЕСТЬ. – М.: Изд-во К. Кравчука, 2002. – 688 с.

Экхарт М. Духовные проповеди и рассуждения. – СПб.: Амфора: ТИД Амфора, 2008. – 255 с.